

Борис ЗЕМЦОВ

«Откуда есть пошла... российская цивилизация»

Сегодня уже можно сказать, что отечественная историческая наука освободилась от грубых ошибок партийно-политической методологии. Появился ряд оригинальных концепций и направлений исследований по истории, в разной степени приближающих нас к истине. Среди них одной из наиболее популярных и, по-видимому, самых плодотворных является теория цивилизаций. Ведь сравнение исторического пути обществ, принципиально разных по своей сути, дает возможность ответить на вопросы, на которые довольно сложно ответить с помощью других концепций.

Пока однозначной трактовки понятия «цивилизация» нет ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Большинство ученых склоняются к тому, чтобы определить цивилизацию как социокультурную общность, обладающую качественной спецификой. К наиболее часто выделяемым признакам российской цивилизации относятся: а) самодержавная форма государственной власти или, как определял этот тип власти историк М. Довнар-Запольский, «вотчинное государство»; б) коллективистская ментальность; в) очень незначительный объем экономической свободы.

В отечественной науке изучение российской цивилизации только начинается, в западной — число работ по этой проблеме тоже минимально. А вот в отношении стадий развития европейской цивилизации (*традиционной*, феодальной и *современной*, буржуазной) написано значительное число исследований. Поэтому в поисках ответа на вопрос о происхождении российской цивилизации мы можем в определенной степени воспользоваться моделью развития европейской цивилизации, тем более что Россия — европейская держава и на своем историческом пути контактировала прежде всего с Европой.

В максимально сжатом виде характер и ход развития современной цивилизации в Европе могут быть охарактеризованы следующим образом: европейская буржуазная цивилизация — это торгово-промышленное, городское общество, для которого характерна экономическая, мировоззренческая, а затем и политическая свобода каждого отдельного человека; появление предпосылок ее развития относится к коммунальным революциям XI—XIII веков, а начало развития — к XVI веку.

«Идеальный первообраз» европейской цивилизации будет для нас точкой отсчета при сравнительном изучении исторического пути российской цивилизации и иных вариантов социокультурного развития, характерных для Юго-Западной и Северо-Западной Руси.

Традиционно историю России начинают с истории Киевской Руси. Это связано с тем, что вопрос об истоках русского этноса: «откуда есть пошла земля русская» — первым поставил летописец XII века монах Нестор. Живя в Киеве, он, естест-

Земцов Б. Н. — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана.

венно, связывал понятие Руси с населением, жившим по берегам Днепра, Днестра, Волхова (колонизация Северо-Востока только-только начиналась). Российский историк начала XIX века Н. Карамзин, продолживший эту традицию, последовательно писал о киевских, московских, петербургских князьях, государях, императорах. Поэтому логика изложения в его трудах сохранялась. Историю княжеств и государств на территории Российской империи сделал предмет своего многолетнего исследования историк середины XIX века С. Соловьев. Киевскую Русь имели право считать исходной точкой истории СССР советские историки, так как описывали историю отдельных территорий, в разное время вошедших в состав Российской империи и ее наследника — Советского Союза, в том числе историю Украины.

Однако сегодня история России и особенно российской цивилизации все более *отделяется* от истории других территорий, входивших в Российскую империю: Украины, Средней Азии, Закавказья, Прибалтики¹. Возможно ли в таких условиях сохранять точку зрения о единых исторических корнях и едином пути развития Украины и России? Этот вопрос превращается в научную проблему. Он связан с другим, еще более важным вопросом: где искать истоки *особенностей* российской культуры, менталитета, социально-политической организации? Являются ли они *общими* для России и Украины?

По моему мнению, мы должны ответить на эти вопросы *отрицательно*. Начинать историю России с Киевской Руси можно лишь в том случае, если мы изучаем историю русского этноса, истоки права, генеалогию русских князей и царей, историю православной церкви. Но никак не историю социально-политической системы России и характер русской нации. Утверждение советских историков 30—60-х годов XX века о том, что эволюция феодальных отношений и государства в России и на Украине совершалась одинаковым путем, *не совсем верно*, по крайней мере применительно ко времени начиная с XIII—XIV веков. На деле в этих процессах, определивших характер российской цивилизации, все больше проявлялось *отличие* социально-экономических и социокультурных моделей развития России и Украины. Решающее влияние на это оказало их различное *географическое положение*.

Учение о влиянии природной среды на характер культуры и общественного строя — неотъемлемая часть теории цивилизаций, незаслуженно забытая в советской историографии. Ее рождение связано с именем французского просветителя XVIII века Ш. Монтескье. Первый научный труд, специально посвященный этому вопросу, увидел свет в 1897 году — это была книга немецкого антрополога Ф. Ратцеля «Политическая география». В 1899 году наш соотечественник Л. Мечников опубликовал свой труд «Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития)».

Непосредственно природе России посвятили многие страницы своих сочинений великие русские историки С. Соловьев и В. Ключевский. Для Ключевского природная среда — это активный фактор, обусловивший направление и характер колонизации русскими новых земель. Колонизация являлась для историка стержневым процессом истории России, сформировавшим быт народа и определившим административное деление страны. Следующий шаг в изучении данной проблемы сделали русские историки С. Платонов и М. Довнар-Запольский, показавшие жесткую зависимость развития экономики России от природных условий². На основе их идей американский исследователь Р. Пайпс дал анализ влияния природы России на ее политическую систему³.

В большинстве советских учебников по истории России описание природы

¹ См. История России. М., 1993; К а ц в а Л. А., Ю р г а н о в А. Л. История России VIII—XV веков. М., 1993; История Государства Российского. Историко-библиографический очерк. Книга первая. IX—XVI века. М., 1991; За и ч к и н И. А., П а ч к а е в И. Н. Русская история. Популярный очерк. IX—середина XVIII века. М., 1992.

² См. П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1893; Д о в н а р - З а п о л ь с к и й М. В. История русского народного хозяйства. Т. 1. Киев — СПб., 1911.

³ См. П а й п с Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

страны в той или иной мере предвзято исторический анализ. Однако история существовала как бы вне природы. Получалось, что за пределами периода антропогенеза природа почти не оказывала влияния на историю. Это было связано с доминировавшей марксистской теорией истории, сводившей причины общественного развития к прогрессу производительных сил и производственных отношений, классовой борьбе. Для влияния природной среды на историю почти *не оставалось* места. К тому же формационная методология предпочитала сравнение стадияльно разнородных обществ по вертикали, в то время как цивилизационная методология предполагает *горизонтальное* сравнение стадияльно однородных обществ, при котором разница в *формах развития*, связанная с влиянием природной среды, проявляется особенно ярко. Только такой подход дает возможность выявить своеобразие экономического, социокультурного и социально-политического развития Юго-Западной (Киевской), Северо-Западной (Новгородской) и Северо-Восточной (Московской) Руси, определившее особенности российской цивилизации.

Юго-Западная Русь

Южные и западные земли Киевской Руси находились в более благоприятных географических условиях, чем земли северо-западные и северо-восточные. Здесь большее число теплых дней, необходимых для вегетации растений, лучше земли. Это давало возможность ремеслу несколько ранее отделиться от земледелия и стимулировать те процессы, которые были характерны для средневековой Европы — появление городской, торгово-ремесленной культуры. Киевская Русь в XII—XIII веках на этот путь прочно встать не успела. Но северные земли и на этом фоне выглядели более отсталыми: присваивающее хозяйство в них господствовало над производящим.

Однако реальных различий в социально-политическом устройстве южных и западных земель, с одной стороны, и северо-восточных — с другой, в XII—XIII веках практически еще не было: то же верховенство князя, то же политически активное боярство, общие правовые нормы, формирование вассально-ленных отношений. В первой половине XIV века эти земли оказались в административном управлении великого княжества Литовского и Русского⁴, а в фискальном отношении — в подчинении Золотой Орды, что еще лет на сто задержало развитие региона в целом. Это давало историкам формальную возможность «не замечать» разницу в направлении и темпах развития южных, западных и северо-восточных регионов средневековой Руси.

Но уже во второй половине XIV века эта разница обозначилась в виде появления в южных и западных городах «магдебургского права» и цехов, что сближало их с городами Европы. Первая попытка введения магдебургского права была предпринята в отношении города Санска галицким князем Болеславом в 1339 году. Во второй половине XIV—XV веках, когда под юрисдикцию великого князя Литовского попал весь регион — будущие Украина и Белоруссия, — процесс появления самоуправляющихся городов пошел быстрее: в 1356 году магдебургское право было предоставлено Львову, в 1374 — Каменецку, в 1432 — Луцку, в 1438 — Кременцу, в 1444 — Житомиру, в 90-е годы XV века — Киеву, Ровно, Дубно⁵. Древнерусское право в этих городах исчезает и заменяется либо на немецкое, либо на его русско-литовскую интерпретацию. При этом города освобождаются от суда и управления общегосударственной администрации. Вместо этого устанавливаются городской суд и самоуправление; жители освобождаются от воинской повинности, получают право на владение землей, окружающей город; многие налоги теперь поступают не в государственную, а в городскую казну.

⁴ В летописях и актовых материалах XIV—XV веков это государство именовалось или как «Великое княжество Литовское и Русское», или «Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское». Феодальная знать, за исключением великих князей, состояла в основном из русских, государственным языком был русский.

⁵ См. История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982, с. 101.

Конечно, не только в XIV, но даже в XV веке города Литвы оставались в своем большинстве собственностью феодалов и отбывали в пользу своих сюзеренов многочисленную повинности. Но в XVI—XVII веках они, по существу, перестали быть интегральной частью феодального общества, и в них началось формирование буржуазных отношений.

Первоначально привилегиями магдебургского права пользовались лишь немцы и поляки. Поэтому большинство дореволюционных историков считали, что появление магдебургского права в русских городах было не столько результатом их собственного социально-экономического развития, сколько следствием немецкой колонизации и включения южных и западных русских земель в орбиту европейских правовых отношений⁶. Действительно, после Кревской унии (1385 года) Литвы с Польшей польское правительство смотрело на распространение магдебургского права в русских землях как на средство колонизации. Но для того чтобы в чужом городе ввести магдебургское право, прежде всего нужен был сам город, а это явление на Украине и в Белоруссии имело древнерусские корни.

Еще до предоставления южным и западным городам магдебургского права в них существовал развитый городской строй, основанный на *древнерусских* традициях. Правовое обособление города от деревни в XV—XVI веках стало для этих городов органической потребностью. Не последнюю роль играли и восстания городских низов, стремившихся освободиться от сюзеренов — феодала или великого князя. Так что магдебургское право было не заимствованием, а «освоением и переработкой иноземного влияния на местной почве»⁷. Из Германии бралась лишь норма, потребность же в подобной правовой норме определялась местными условиями. Включение через Польшу южных и западных русских земель в орбиту европейских политических и экономических отношений лишь ускорило развитие новых социальных процессов.

Другим показателем становления различий Юго-Западной и Северо-Восточной Руси явилось появление на Юго-Западе ремесленных и торговых цехов. Такого социального института северо-восточные русские земли не знали. Зачаточные формы объединения ремесленников существовали в этом регионе еще в X—XIII веках. Проанализировав письменные источники, советские историки Б. Рыбаков и М. Тихомиров пришли к выводу, что городское население юго-запада Киевской Руси «уже начало объединяться в корпорации с работой ремесленников на заказ и на рынок, с зачатками ученичества и регулирования производства»⁸. С XIV века эти корпорации обрели форму цехов. В течение следующего столетия цеховая организация распространилась на многие галицкие и волынские города, а в первой половине XVI века — уже на большинство юго-западных русских городов.

В XV—XVI веках кардинальные различия наметились в политическом строе Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. В течение XV века власть великого князя в Литовско-Русском государстве ослабла и подверглась ограничениям. В соответствии с Городельским привилеем 1413 года князь стал избираться дворянством. В 1447 году великий князь отказался от права облагать вассалов шляхты податями и повинностями на общегосударственные нужды и признал вотчинный суд шляхты над их собственными людьми. В результате привилеев 1492 и 1506 годов и Статута 1592 и 1666 годов государство, по существу, превратилось в шляхетскую республику. Часть общества получила право *контроля над государством*. Это существенно сближало социально-политический строй Литвы и стран Западной Европы.

⁶ См. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, т. 24, с. 892—894.

⁷ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягелонах. Киев, 1901, с. 805.

⁸ Тихомиров М. Н. Ремесленники и ремесленные объединения Киевской Руси. «Ученые записки МГУ», серия «История», вып. 87. М., 1946, с. 37.

Северо-Западная Русь

Вторым регионом, имевшим специфическое социально-политическое устройство, отличное от Московской Руси, была Северо-Западная Русь. Относительно этого региона в историографии существует некоторое противоречие: с одной стороны, общепринятым является положение, что Новгород и Псков представляли собой феодальные республики, с другой — постоянно подчеркивается, что они были крупными торгово-ремесленными центрами. Действительно, при раскопках в этих городах обнаружено множество ювелирных, кожевенных, кузнечных и других мастерских. Но все-таки основой новгородского экспорта были пушнина и воск, а не продукция ремесленников.

Только ремесло могло стать экономической основой городской, буржуазной цивилизации, а в Новгородских землях ремесло, по всей видимости, *не было развито*. Современные исследования показывают, что города Северо-Запада являлись административно-феодальными центрами на речных путях, население же региона в целом занималось в основном бортничеством и охотой. Часть этого населения со временем переключилась на занятие торговлей и установила связи не только с побережьем Балтийского и Северного морей, но и с Византией, Волжской Болгарией, странами Каспийского моря. Поскольку торговля и земледелие — это сезонные профессии, к тому же торговля не требует так много людей, как ремесло, жители северных русских городов должны были параллельно заниматься *разбоем*. Летописные источники показывают, что новгородцы «профессионально» занимались разбоем вплоть до XV века. Этот феномен в Новгороде получил название «ушкуйничество».

Отряды ушкуйников были настолько значительны, что имели возможность нападать не только на торговые караваны, но и на отдельные города. Так, в 1366 году из Новгорода в поход ушло, по одной летописи, 150 лодок, а по другой — 200⁹. В каждой лодке находилось по 10—12 человек. По пути в Волжскую Болгарию они разграбили Нижний Новгород. В том же году на Волгу отправился еще один отряд. Летописи сохранили сведения о разграблении ушуйниками в 1374 году Вятки, в 1375 году — Костромы, в 1391 году — Казани¹⁰. По всей видимости, для целого слоя населения Новгорода это было обычным занятием. Новгородские власти об этих походах знали, некоторые походы возглавлялись боярами. Все это серьезно отличало Новгород от европейских городов.

Правда, уже в 1136 году Новгороду удалось освободиться из-под власти князя, и в нем утвердился республиканский строй. Но существовали и серьезные отличия в политическом укладе Северо-Западной Руси и Европы. С. Платонов указывал, что основой республиканского строя в Новгороде было не высокое развитие хозяйства, а, напротив, преобладание охоты над земледелием и удаленность от экономических центров. Хотя киевский князь по обычаю отдавал Новгород в княжение своему старшему сыну, этот город рассматривался князьями не как цель, а как промежуточный этап в их деятельности. Поэтому князь и его бояре не стремились обзаводиться там земельными участками, а ограничивались сбором дани¹¹. Следовательно, и для местных бояр, и населения они оставались временными постояльцами, *инородным телом*. Это облегчило в конце концов полное низвержение власти князя.

Отсутствие сильной княжеской власти не остановило *феодализации* новгородского общества. Но проходила она своеобразно. Источником богатства бояр было не земледелие, а охота и рыболовство. Недостаточные размеры дохода от этих видов промысла приводили к относительному равновесию среди отдельных групп боярства. Общая сумма оброка с каждой из «пятин» Новгородской земли, на которые опирались группы боярства, оказывалась примерно одинаковой¹². Это не

⁹ См. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. М., 1960, с. 393.

¹⁰ Там же, с. 394, 395, 397.

¹¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 232.

¹² См. Тараканова-Белкина С. А. Боярские и монастырские земли в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; Данилова Л. В. Очерки по истории земледелия и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV веков. М.-Л., 1955; Вернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII веках. М., 1976.

позволяло одной группе бояр одержать верх над другими и выдвинуть «своего» великого князя. Результатом этого равновесия была «феодальная республика».

Советские историки Б. Греков, С. Юшков, М. Тихомиров, А. Арциховский, Б. Рыбаков, Л. Черепнин достаточно полно показали, что при всем значении торговли в жизни Новгорода и Пскова именно феодальное землевладение (*но не земледелие*) оставалось основой их республиканского строя.

Новгородская республика представляла собой социально-политическую систему с изначально заложенным общественным конфликтом: там соседствовали друг с другом власть и бесправие, богатство и бедность. Глубокий антагонизм раздирали Новгород, его пятини и области. В XV веке новгородское боярство стремительно двигалось к олигархическому правлению. Некоторые нынешние оценки разгрома Новгорода Москвой в 1478 году как поражения республиканского строя на Руси — не более, чем публицистическое преувеличение: Москва уничтожила не вечевой строй и, не зарождающуюся демократическую Россию, а самовластие новгородских бояр¹³. Новгородская феодальная республика не имела будущего и как самостоятельная цивилизация европейского типа состояться не могла.

Итак, особенная Юго-Западная и Северо-Западная русская цивилизация не сложилась: эти регионы не обладали ни географической замкнутостью, ни достаточным масштабом, к тому же соседние территории-государства оказались более сильными и в конечном итоге подмяли под себя юго-западные и северо-западные русские земли. Но в XIV—XVI веках по крайней мере юго-западные земли Руси развивались в том направлении, на которое вступила европейская буржуазная цивилизация. А вот Северо-Восточная Русь, где и сформировалась российская цивилизация, развивалась в *ином* направлении.

Северо-Восточная Русь

До XII века на северо-востоке Европы было лишь два относительно крупных славянских поселения — Муром и Ростов. Среди земель Северо-Восточной Руси в наиболее благоприятном положении находилось Ростово-Суздальское княжество. Регион был пригоден для земледелия (подзолистые почвы будущих тверского, рязанского и смоленского княжеств здесь сменяются лесными черноземами ополей) и ремесла (болотная железная руда легко доступна для добычи). Поэтому именно на берегах озера Неро возник первый «цивилизационный оазис» — развитый племенной центр. По оценкам археологов, пришлое славянское население находилось в IX—XI веках на уровне раннего феодализма¹⁴. Однако для отделения ремесла от земледелия и образования городской культуры у Ростово-Суздальского княжества не было ни территории — технологическая и социальная революции такого масштаба не могли совершиться в узких рамках отдельного княжества, ни времени — до татарского нашествия оставалось лет сто.

В целом же северо-восточный регион был мало удобен для земледелия и ремесла. Не случайно, хотя среди местных финно-угорских племен уже было социальное расслоение, они стояли даже на более низком уровне развития, чем пришлые славяне¹⁵. Плодородные земли Черноземья для славян были недоступны. Они находились под контролем половцев, а затем татаро-монголов. Причина низкого уровня социально-экономического развития Северо-Восточной Руси крылась не только в скудости природы, но и в отдаленности от мировых торговых путей. Поэтому экономические и социально-политические процессы *должны* были здесь иметь иную природу, чем в Европе. Это отразилось в особенностях хода централизации великорусских земель в XIV—XV веках.

Идея о доминировании экономических предпосылок в процессе образования централизованного Российского государства утвердилась в советской

¹³ См. Янин В. Л. Указ. соч., с. 237.

¹⁴ См. Леонтьев А. Е. Ростов. Предпосылки возникновения древнерусского города. «Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18—25 сентября 1985». М., 1987, с. 152.

¹⁵ См. Город Муром в XIII—XVI веках. Муром, 1947, с. 4—5, 8—9.

историографии с 1960-х годов, когда вышла в свет монография историка Л. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках». Непосредственным предшественником Черепнина был Б. Греков, который первым в 30-е годы пытался доказать, что Киевская Русь была не страной охотников и рыболовов, а страной земледельцев. Греков увлекся анализом феодальных черт Древней Руси — полюдья, вотчинного землевладения, наличия феодальных замков, оставив в стороне анализ сохранявшегося общинного землевладения и общины — верви. Таким образом, уровень развития Киевской Руси оказался им *завышен*.

Со своей стороны Черепнин на основе привлечения широчайшего летописного материала и различного рода законодательных актов утверждал, что в XIV—XV веках в северо-западных и северо-восточных русских землях начался экономический подъем, который и стал основной предпосылкой централизации государственной власти. Тем самым Черепнин пытался доказать общность предпосылок образования централизованного государства в России и Западной Европе. По мнению историка, экономический подъем проявился прежде всего в интенсивной распашке запущенных ранее земель: «пахали, господине, те земли на монастырь за пусто», «пахали есмь, господине, орали и сеяли... на пустоши», «поорали, господине, ту пустошь... да и посеяли» и т. д.¹⁶

Между тем летописные тексты *совсем не подтверждают* выводов, сделанных Черепниным. Не меньшее право на существование может иметь другая их трактовка: из-за низкой плодородности земель и примитивной технологии сельскохозяйственного производства крестьяне были вынуждены раз в несколько лет покидать свой участок и распахивать новый, для того чтобы дать земле отдохнуть. Свою роль могло сыграть и изменение климата. По мнению климатологов¹⁷, на рубеже I и II тысячелетий произошло потепление климата, продолжавшееся до XIV века, а затем началось новое похолодание. То есть в начале колонизации северо-востока Руси были благоприятные погодные условия. В ходе освоения территории они ухудшились, что и привело к необходимости распашки новых земель.

На то, что земледелие в этом регионе было вновь привнесено русскими колонистами с юга, косвенно указывает обрыв процесса закрепощения крестьян. Начавшись в Киевской Руси, он логически продолжился в Литовско-Русском государстве, в то время как на Северо-Востоке почти до конца XV века сохранялись общинно-индивидуальное землевладение крестьян и элементы выборного крестьянского самоуправления. Это нельзя объяснить никак иначе, чем *недавним существованием и неэффективностью* сельскохозяйственного производства. Прикрепление крестьян к земле сковало бы прогресс земледелия. (Позднейшее прикрепление в XVI—XVII веках было фактом политического, а не социально-экономического развития.)

Уровень сельскохозяйственного производства в Северо-Восточной Руси был достаточным, чтобы земледелец мог прокормиться, но слишком низким, чтобы ремесло в масштабах региона отделилось от земледелия.

В своей монографии Черепнин целую главу посвятил развитию торговли. Действительно, объемы внутренней и внешней торговли региона на протяжении XIV—XV веков постоянно росли. Иностранцев поражало изобилие товаров на московских рынках, где, в частности, мясо продавалось не на вес, а на глаз. Для Черепнина был важен сам факт роста торговых операций. Между тем показателем развития средневековой европейской экономики являлась не просто торговля, а торговля ремесленными изделиями, *изначально* предназначенными к продаже.

¹⁶ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 166.

¹⁷ См. Б у д ы к о М. И. Климат в прошлом и будущем. Л., 1980, с. 169; Б о р и с е н к о Е. А. Климат и деятельность человека. М., 1982, с. 23, 28; М о н и н А. С, Ш и ш к о в Ю. А. История климата. Л., 1979, с. 343, 352.

Именно такой тип торговли и привел в Европе к глубинным социальным изменениям. А такой торговли в северо-восточных княжествах как раз и не было.

Основная часть торговцев и ремесленников находилась в личной зависимости от светских или духовных феодалов, работала на заказ. Не смог обнаружить свободных ремесленников сам Черепнин: «В нашем распоряжении почти нет данных, непосредственно указывающих на продажу на рынке произведений ремесла»¹⁸. Если князь, боярин или монастырь и продавали ремесленные изделия, это никак не способствовало движению в сторону создания предпосылок буржуазного общества. А. Сахаров, труду которого Черепнин дал очень высокую оценку, писал: «Условия для формирования буржуазных элементов в XIV—XV веках были неблагоприятными»¹⁹.

По этой же причине в Северо-Восточной Руси не было и цехов. Собрав в конце 40-х годов все имеющиеся на тот момент данные, Рыбаков пришел к выводу, что «прямых указаний источников на существование в русских городах XIV—XV веков ремесленных корпораций с оформленным уставом нет»²⁰. И этот вывод до сих пор никто не опроверг. Странники иной точки зрения — о наличии цеховой структуры в России — указывают или на Киевскую Русь²¹ или на Новгород²², или на Московское государство XVII—XVIII веков²³.

Не надо обольщаться многочисленными летописными указаниями на то, что татаро-монголы уносили с собой из разгромленных северо-восточных городов «сосуды златая и дорогие жемчуги», «товара всякого». Того, что составляло смысл походов завоевателей, находившихся на уровне скотоводчества, совершенно не хватало для *качественного* скачка в социальной сфере земледельческих княжеств и государств. Поэтому в Северо-Восточной Руси не возникли города по типу европейских коммун.

Советские исследователи связывали неразвитость русских городов XIII—XIV веков с тяжелым золотоордынским влиянием. Действительно, удар по городской культуре Руси был нанесен сильнейший. И все-таки основная причина этой неразвитости не внешнеполитическая, а *внутренняя*. Еще до революции 1917 года в отечественной науке настойчиво звучал тезис об «искусственности» (с европейской, экономической, точки зрения) северо-восточных городов: «Раньше, чем город стал нужен населению,— писал П. Милуков,— он понадобился правительству»²⁴. Советские исследователи Тихомиров и Черепнин обращали внимание на сам факт летописных упоминаний о существовании большого числа городов. По Тихомирову, лишь в одном Рязанском княжестве в конце XIV века существовало 30 городов. Между тем летописцев не интересовал характер общественной жизни населения. Они обращали внимание на *внешний признак*, отличающий город от деревни,— крепостную стену. Городом на Руси называли любое укрепленное поселение, даже если внутри крепости оказывался точно такой же пейзаж, что и рядом с ней.

В настоящее время археологическим признаком города считается торгово-ремесленный посад²⁵. А посады для северо-восточных русских городов были *не характерны*. Вплоть до XVI века в Северо-Восточной Руси преобладали не-
18 Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 380—381.

¹⁹ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959. с. 233.

²⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 775-776..

²¹ Там же, с. 767; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 37; Лешков В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб., 1858, с. 361.

²² Подвигина Н. Л. К вопросу о существовании цехов в Новгороде конца XII—начала XIII века. «Новое в археологии». М., 1972, с. 234—240.

²³ Ефименко Т. П. Очерк организации городских ремесел в Московском государстве XVI—XVII веков. «Журнал Министерства юстиции», апрель 1914, с. 116—131; Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII веке. «Труды Государственного Исторического музея», вып. 3, 1926; Троицкий В. И. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII веке. «Исторические записки», 1941, № 12; Сербина Н. Н. К вопросу об ученичестве и ремесле русского города. XVII век. «Исторические записки», 1946, № 18, с. 148—168.

²⁴ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1909, с. 241.

²⁵ Тимощук Б. А. Об археологических признаках древнерусского города. «Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья». М., 1988, с. 83.

большие, но сильно укрепленные крепости, являвшиеся административными и хозяйственными центрами удельных княжеств. Торгово-ремесленное население этих городов было крайне незначительным. Большинство городов насчитывало менее тысячи дворов, хотя встречались и «мегаполисы»: в Пскове в 1510 году проживало 30—35 тыс. человек (6500 дворов) в Новгороде в 50-е годы XVI века — 25—30 тыс. человек (5300 дворов), в Нижнем Новгороде, Ярославле, Владимире, Рязани, Вологде — 1500—1000 дворов²⁶. Сахаров подчеркивал, что количество городов летописями сильно преувеличивается. Подвергнув анализу 75 населенных пунктов, имеющих, по летописи, статус города, он пришел к выводу, что лишь 29 из них действительно могут называться городами в европейском понимании этого слова.

Великие и удельные князья были заинтересованы в увеличении посадского населения городов лишь потому, что ремесленные изделия были важнейшим источником дани Золотой Орде. Они всячески старались привлечь в свои города мастеров, переманивая их друг у друга предоставлением разного рода льгот или захватывая во время феодальных войн. Археологические исследования подтверждают, что в XIV—XVI веках в северо-восточных и северо-западных землях ремесленные мастерские располагались в подавляющем числе на территории богатых феодальных усадеб²⁷. Здесь ремесленники (став вотчинными или монастырскими) получали те преимущества, каких ремесленники европейских и русских юго-западных городов добивались путем самоорганизации и борьбы за свои права. В результате социальные изменения, которые должны были бы наступить в ходе развития ремесла и торговли, на Северо-Востоке отсутствовали.

Русский ремесленник по своему политическому статусу коренным образом отличался от европейского или даже украинского ремесленника — гражданина свободного города. Объединившись в цеха, а позднее образовав наряду с мелкими феодалами сословно-представительные учреждения, европейские города изначально ограничивали власть монарха. Поэтому даже в период абсолютных монархий европейские монархи никогда не пользовались тем объемом власти, какой имели их восточные «коллеги». Русские ремесленники и купцы ограничить власть царя, стать основой гражданского общества *не смогли*.

Географические условия определяли не только возможности ремесленного развития в Северо-Восточной Руси, но и методы колонизации этого района, что оказало определяющее влияние на сформировавшийся тип власти.

Еще Соловьев и Ключевский отмечали, что это была *колонизация княжеская* (в том смысле, что именно князья ставили здесь города). В городах южных и западных земель Киевской Руси изначально существовали оппоненты князя в виде тысяцкой организации, дружинников и народного веча. Появление таких оппонентов северо-восточные князья старались у себя в вотчине не допустить.

В Киевской Руси вече имело двоякую природу. Во всех древнерусских городах XIII—XIV веков (кроме Новгорода) вече продолжало оставаться реликтом народных собраний, характерных для периода раннеклассовых обществ. В Новгороде же вече представляло собой определенный аналог европейских городских коммун. Оба эти варианта возникновения веча в северо-восточных городах были исключены: «здесь князь был хозяин, а поселение пришельцами»²⁸. Так, Андрей Боголюбский имел все основания хвастаться, что он всю Суздальскую Русь «городами и селами населил и многолюдие учинил»²⁹. И тем не менее на протяжении XIV—XV веков в летописях постоянно встречаются упоминания о вечевых собраниях. Рассмотрим их природу.

Первая причина, по которой они собирались, — оборона города от врага. Ради этого звонил вечевой колокол в Ростове в 1262 году, в Москве — в 1382 году.

²⁶ Там же, с. 46—47.

²⁷ Макарова Т. И. К вопросу об организации ремесла в древнерусском городе. Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988, с. 92.

²⁸ Пущкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991, с. 85.

²⁹ Там же.

Вторая причина — политическая борьба бояр друг с другом. Более слабая сторона пользовалась голосом веча в своих конъюнктурных целях. Например, в 1392 году нижегородские бояре собрали вече, чтобы подкрепить свое стремление присоединиться к Москве вопреки желанию князя.

Третья причина встречается крайне редко — вече действительно выступало в качестве субъекта власти. Как повествует летопись, в 1303 году, когда умер московский князь Даниил Александрович, его сын Юрий должен был отправиться из Переяславля в Москву на похороны. Опасаясь, что Юрий уедет в Москву навсегда и судьба города из-за этого вступит в полосу неопределенности, переяславцы собрали вече и не отпустили князя.

По мере укрепления своей власти князья уничтожали отголоски вечевых традиций, привнесенных в Северо-Восточную Русь в ходе колонизации. Тот же князь Юрий Данилович все-таки переселился жить в Москву, и всякие упоминания о переяславских вечевых собраниях из летописей исчезают. Иван Калита в 1327 году умудрился «убить в Твери сразу трех зайцев»: заслужил себе ханский ярлык, уничтожил политического противника в лице тверского князя и расправился с тверичами, пытавшимися противопоставить княжеской власти вечевую власть. Именно ради уничтожения вечевого власти Иван Калита совершил свой поход в Ярославль в 1332 году. В остальных северо-восточных княжествах князья также боролись с вечем.

Вечевые традиции, хоть и являлись политическим реликтом, в Киевской Руси были частью государственного механизма. А на Северо-Востоке произошло разрастание частно-княжеского права в ущерб государственному, что проявилось в установлении вотчинной и удельной собственности. Места для веча там не оставалось.

Термин «вотчина», означающий земельную собственность, находящуюся в полной частной собственности, и обладание вотчинником административно-судебными правами, появился в русском праве в XII веке, т. е. именно тогда, когда на Северо-Восток шел основной поток колонистов. Термин «удел» встречается в источниках даже раньше — в XI веке. В определенной степени оба термина идентичны. Их появление заложило правовые основы феодальной раздробленности. Однако в XIV—XV веках степень свободы вотчинника в южных и западных землях оказалась выше, чем в северо-восточных. В. Кобрин предлагает очень любопытное объяснение этой ситуации.

Вслед за С. Юшковым³⁰ Кобрин обратил внимание на то, что почти нет актов феодального землепользования, относящихся к первой половине XIV века³¹. Это понятно в отношении монастырей (до монастырской реформы Сергия Радонежского монахи жили отдельно друг от друга и собственностью не владели), но странно в отношении светских феодалов, поскольку доподлинно известно, что уже в первой половине XII века существовало боярское землевладение.

В свою очередь, С. Веселовский указывал на то, что московское боярство никогда не отличалось особой активностью в борьбе с московским князем, даже наоборот: служило ему опорой в борьбе за объединение Руси. На основании этого Кобрин сделал предположение, что добатьево независимое северо-восточное боярство было *уничтожено* в ходе нашествия³². Во многие лесные крестьянские поселения вражеская конница могла и не попасть, тогда как бояре, являвшиеся дружинниками и руководителями военных отрядов, жили в городах-крепостях. На них и обрушился основной удар татаро-монголы. Новая полоса пожалований на Северо-Востоке началась со второй половины XIV века, когда положение региона окрепло. Кобрин считает, что развитие вотчин главным образом через княжеские пожалования (а не путем захвата общинных земель, что характерно для Киевской Руси) делало бояр связанными не столько с землей, сколько прежде всего с князем. Новые вотчинники не могли быть столь же независимы, как их

³⁰ См. Ю ш к о в С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, с. 245—246.

³¹ См. К о б р и н В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985 с. 45.

³² Там же, с. 39.

предшественники, корни которых терялись в Киевской Руси. В. Янин также подтверждает, что основным путем формирования вотчин XIV века была «раздача сверху»³³.

Если все это так и было, то несколько иначе выглядят и социальные процессы в целом. Советские историки традиционно обращали внимание на процесс закрепощения крестьянства. Между тем это личное закрепощение крестьян было довольно сложным из-за непроходимых средневековых лесов и не очень целесообразным потому, что условием хороших урожаев была регулярная смена пахотных земель. Куда более целесообразным для государства было закрепощение общества *в целом*, создание слоя зависимых вотчинников, которые, владея землей, непосредственно устанавливали с крестьянами экономические взаимоотношения. На долю государства оставалось поддержание контроля за самими вотчинниками — высшими и средними слоями феодального общества.

Закрепощение началось не с крестьян, а с бояр и вылилось в конце концов в создание системы служилых и тяглых чинов. Все эти «чины» (без исключения) являлись *государевыми холопами*, хотя по отношению к своим крестьянам боярин-вотчинник сам выступал как государь.

Зарождение поместной системы началось при Иване Калите: первым помещиком считается Бориска Ворков, которому этот князь за пожизненную службу выделил поместье. Но фактически великий князь имел возможность «закрепостить» и привлечь к службе любого боярина. Таких взаимоотношений в высших слоях феодального общества не знали ни Киевская Русь, ни Литовско-Русское княжество.

Боярство выражало свое отношение к росту зависимости от князя бегством в соседние княжества, а еще лучше — в Литву, куда их манили шляхетские вольности и привилегии. Правовой реакцией на это бегство стало появление в конце XV века понятия «государственная измена». Так «слуги вольные» незаметно для себя превратились в «*слуг невольных*». Чисто внешне для бояр ничего не изменилось, на самом деле российская цивилизация *завершила* свое формирование. Сформировался *особый* характер отношений *государства* и *общества*.

Все северо-восточные князья привыкли смотреть на свои княжества не как государи, а как вотчинники. Собрание уделов в каждом из княжеств — Московском, Владимирском, Рязанском, Ростовском, Ярославском, Нижегородском и Суздальском — проходило одинаково: «снялся» весь слой активного населения (будь то бояре, служилые люди или ремесленники) и уводился в столицу княжества. Это походило не столько на собрание земель, сколько на «*собрание власти*», подчинение общества. Так что централизация России носила *вотчинно-феодальный*, а не буржуазно-экономический характер. Независимо от того, кто возглавлял процесс объединения северо-восточных земель, общегосударственный механизм был един, так как его определяли географические и социально-экономические условия региона в целом.

Московское государство, по мнению М. Шахматова, не являлось восточной деспотией, как его сегодня вольно именуют многие публицисты. Но оно существенно отличалось и от государств Европы. Здесь отсутствовали условия для одновременного формирования централизованного государства и буржуазной городской культуры, определявшего особенности *европейской* цивилизации. Это отличие и обусловило разнонаправленность дальнейшего исторического движения России и Европы.

Новая буржуазная цивилизация в Европе состоялась через 200—300 лет после коммунальных революций. За этот период в городах возникли новая культура, новая ментальность и гражданское общество. Этих нескольких веков *не оказалось* в запасе у южных и западных русских земель, а включение их в XVII веке в состав

³³ См. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981, с. 157—181, 229—241, 249—256, 257—283.

России исключило возможность возникновения здесь новой культуры. В России же средневековая ментальность масс, основой которой были коллективизм в мировоззрении и самодержавная система власти в политике, а также подчинение общества государству, сохранилась буквально до конца XIX века, стала *характерной особенностью* российской цивилизации.

В течение столетий в недрах российской цивилизации практически не развивались буржуазные производственные отношения и буржуазная ментальность. Когда же в XVIII—XIX веках эти процессы начались, им всячески препятствовало самодержавное государство, вполне обоснованно испугавшись за свое будущее.

Монархия отталкивала от себя всех политических соперников, будь то революционеры или буржуазия. Да и самой буржуазии не хватило сил и времени для того, чтобы к 1917 году преодолеть традиции российской цивилизации в сферах экономики, идеологии и политики, встать во главе общества. Все это обернулось *национальной катастрофой*. Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Между тем экономические, социальные и политические противоречия начала XX века уже *не могли быть* разрешены обществом в рамках этой ментальности.

В результате в 1918—1929 годах сложилась уникальнейшая ситуация: сначала российская цивилизация в лице самодержавия в феврале 1917 года рухнула, но поскольку естественная социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вырваться, то к концу 20-х годов она оказалась фактически восстановленной большевиками (хотя и с другой надстройкой, и под другими лозунгами).